

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Историю мы рассматриваем, как путь от абстрактного к конкретному, от отвлеченности к реальности, от метафизики к физике, от хаоса к организации.

Вся сила человека в том, что он более соответствует действительности, он глубже проник в тайну материи, чем мир животных.

От неопределенности, от тумана веры и фантазии мы переходим к науке, к дисциплине во всей жизни, соответственно требованиям сковывающей нас природы и соответственно своей внутренней необходимости — желанию.

Спасение не внутри нас, а вне нас — вот что мы узнали в последнее время. Все проникновеннее, все внимательнее мы вглядываемся в мир, которого раньше не знали и теперь еще не узнали. Мы знали только мир, созданный в нашей голове. От этого мы отрекаемся навсегда. Мы топчем свои мечты и заменяем их действительностью. Если бы мы оставались в мире очарованными, как дети, игрою наших ощущений и фантазии, если бы мы без конца занимались так называемым искусством, мы погибли бы все. И мы погибнем, если пойдем по этому пути.

История есть путь к спасению через победу человека над вселенной. И мы идем к бессмертию человечества и спасению его от казематов физических законов, стихий, дезорганизованности, случайности, тайны и ужаса.

Конечная наша станция — постижение сущности мира. Пусть нас не разубеждают в этом: мы сильно хотим познать все до конца, и с нас довольно этого желания, чтобы не поверить никакому шкурнику мысли.

Путь человечества в смысле его деятельности — от отвлеченности к конкретности, от так наз. духа к так наз. материи. Мы ненавидим всякие понятия, даже понятие материи. Для нас ценны не наши представления, а вещи. Под материей мы разумеем сумму явлений действительности.

До сих пор миром мы называем наше представление о мире. Теперь мы переходим к тому, чтобы миром называть не наше чувство мира, а самый мир.

Этот переход лежит через сознание. Прежде чем ближе подойти к миру, увидеть, во сколько он прекраснее нашей мысли о нем, мы должны сами измениться. Сущность человека должна стать другой, центр внутри его должен переместиться.

Это предварительное изменение глубокой души человечества перед его сближением с действительным миром нами найдено. И хотим ли мы или не хотим, — революция внутри человека произойдет, человек изменится. Причина этого изменения лежит в самой действительности, вне человека.

Сознание, интеллект, — вот душа будущего человека, которая похоронит под собой душу теперешнего человека — сумму инстинктов, интуиции и ощущений. Сознание есть симфония чувств.

Как это произойдет и почему — я писал и говорил в другом месте.

Самый большой переворот, который несет с собою царство сознания, в том, что вся история до сознания была творчеством блага, и ради блага человек жертвовал всем.

Истина была ценностью настолько, насколько она служила благу и сама была благом.

Скоро будет не то: не благо будет сидеть верхом на истине, а истина подчинит себе благо. Потому что наше благо будет в истине, какая бы она ни была. Пусть будет истина гибелью, все равно — да здравствует!

Только истина есть стихия сознания. (До сих пор истина шла на пристяжке у блага, теперь благо пойдет на пристяжке у истины.)

Мы не жалеем себя и не ценим, мы ищем только объективной ценности. Если такой ценности нет — ее надо создать. В этом задача искусства. Искусство есть творчество объективной безотносительной ценности, несравнимой ни с чем и не взвешенной ни на каких весах.

Искусство есть такая сила, которая развяжет этот мир от его законов и превратит его в то, чем он сам хочет быть, но чем он сам томится и каким хочет его иметь человек.

Наука есть искание объективного поля наблюдения, чтобы с точки, стоящей вне мира, увидеть настоящее лицо и сущность вселенной.

Цель искусства — найти для мира объективное состояние, где бы сам мир нашел себя и пришел в равновесие, и где бы нашел его человек родным. Точнее говоря, искусство есть творчество совершенной организации из хаоса.

Точка объективного вне относительного наблюдения совпадает с центром совершенной организации. Только отойдя от мира и от себя, можно увидеть, что есть все это и чем хочет быть все это.

Наука и искусство в своих высших состояниях совпадают, и они там есть одно.

Только несовершенное исследование и несовершенное творчество находятся в разных местах. Чем выше, тем ближе эти линии сходятся и, наконец, на невероятной высоте они совпадают в одной точке, как две стороны угла совпадают в вершине.

Там исследование этого мира все равно, что творчество нового мира.

Вначале мы говорили об истории, как о пути от абстрактного к конкретному, от идеала вещи к самой вещи, какая она есть, от идеи к материи. А здесь мы все время говорим об истине. Но разве истина не отвлеченное понятие? Нет. Истины теперь хотят огромные массы человечества. Истины хочет все мое тело. А чего хочет тело, то не может быть не материальным, духовным, отвлеченным. Истина — реальная вещь. Она есть совершенная организация материи по отношению к человеку. Поэтому и социальную революцию можно рассматривать, как творчество истины.

Дальше: что же такое пролетарская поэзия и вообще искусство?

На этом вопросе поломали челюсти все, кто брался разрешить его.

Решать же его не нужно. Нужно взять готовый ответ пролетариата и не слушать интеллигенции.

Человечество становится все сильнее и сильнее. Его задачей является накопление мощи. Каждый момент его деятельности пропорционален наличию силы в человечестве.

В мире есть вещи, а в человеке есть образы, эхо этих вещей, условные символы явлений.

В таком деле, как искусство, где человек стремится свободно переустроить мир по своему желанию, начинать работу прямо с материи, стремиться без предварительной подготовки изменить действительность до наших дней было не по силам человечеству.

Это было не пропорционально его силам: ее было накоплено еще недостаточно.

Поэтому человечество и принялось за организацию, за приспособление к своей внутренней природе нематериальных вещей, не действительности, а только образов, символов этих вещей, напр. слов.

Слово надо считать трехгранным символом действительности.

У него есть три элемента: идея, образ и звук. Такой треугольник и рисует нам какую-нибудь вещь из действительности. Нет слова без одновременного слияния этих трех элементов, — они только бывают в разных процентных сочетаниях: иногда пересиливает идея, иногда звучность, иногда образ. Но всегда три элемента бывают вместе. Слово не мыслимо без них. Все попытки создания поэтической школы на преобладании одного какого-нибудь элемента слова не могут иметь успеха: для этого надо прежде всего изменить сущность, природу слова, построив его на одном элементе.

Но слово тогда получится невероятно бледное, сумрачное и будет только неясным образом явления, которым оно сотворено. А слово и так очень глухое эхо действительности.

Если мы рассмотрим эти три элемента — идею, образ, звук — то увидим, что по своей первой сущности они одно и то же. Только в произведениях среднего качества их можно различать, — на вершинах творчества они сливаются и не различимы. Такое трехгранное строение слова — дело чувств, а не необходимости. В крайнем своем напряжении все чувства сливаются и превращаются в сознание, в мысль. Так и тут: слово в крайнем своем выражении, при бесконечной энергии не имеет элементов, — оно однородно. Анализ трех элементов также показывает их родство. Ведь, идея есть только глубочайший и последний поддонный образ вещи, а образ — поверхностная идея. Звук же есть тот же образ, приспособленный для специального ощущения организма — слуха.

Надо стремиться к синтезу элементов слова, тогда оно получает величайшую ценность и по своей энергии становится близким к действительности.

Люди пересоздают природу сообразно своим желаниям, т. е. внутренней необходимости. В этом сущность всякого искусства. Но они начали не прямо с переустройства самой действительности, а с более легкой, с более посильной работы, — с переустройства символов, образов, теней этой действительности, напр., со слов.

Организация символов природы слов, сообразно желанию, внутренней необходимости, — вот что есть поэзия пролетарской эпохи.

Рядом с организацией символов действительности шла работа и по организации, по преобразению самой действительности, самой материи. Но это именно была работа, а не искусство, — настолько слаба она была и еще не соответствовала силам людей и настолько жалки были ее результаты.

Поэзия после пролетарской эпохи будет не организацией символов, призраков материи, а организацией самой материи, изменением самой действительности.

Пролетарская поэзия есть преобразование материи, есть борьба с действительностью, бой с космосом за его изменение соответственно внутренней потребности человека.

Наша поэзия есть действительное, а не мысленное преобразование вселенной, отвечающее свободному желанию, т. е. внутренней необходимости человечества.

Принцип истории, принцип перехода от отвлеченного к конкретному, от головного к настоящему тут выдержан до конца.

Пролетарское и коммунистическое человечество это не человечество капитализма: оно в тысячи раз сильнее последнего, и ему будет по силам переход от легкой работы над духом, над призраком действительности к невероятному труду над самой действительностью.

Конечно, и образ действительности, как слово, есть часть действительности, но это поверхность действительности, а мы спускаемся в ее недра, и труд, напряжение наше безмерно возрастают.

Работа пролетариев над материей в мастерских может быть названа началом пролетарского искусства. Но настоящее полное пролетарское искусство только идет. Оно придет, когда человек станет волшебником материи, когда природа будет звучать голубой музыкой в его неустанных руках, когда он из раба действительности станет господином, влюбленным в свою работу.

Сейчас мы во многом только приспособляемся к природе, изменяя свои сокровенные желания, где поперек им встают гранитные законы.

Сейчас мы убого, по-нищенски работаем в своих мастерских со слабыми машинами над организацией материи. Вот когда мы построим такие чудесные машины, которые будут разумнее человека в своем творчестве, для которых не будет существовать непреодолимых сопротивлений и законов, которые будут играть бесконечно покорной природой, как веселый ребенок, — вот тогда будет пролетарское всечеловеческое невероятно прекрасное искусство.

Мы только подходим к нему.

Изобретение машин, творчество новых железных, работающих конструкций, — вот пролетарская поэзия.

Раньше мы сковывали в тиски чувства, слова и называли это ритмом. Теперь мы сковываем материю в тиски сознания, и это есть ритм пролетарской поэзии.

Каждая новая машина — это настоящая пролетарская поэма. Каждый новый великий труд над изменением природы ради человека — пролетарская, четкая, волнующая проза. Величайшая опасность для нашего искусства — это превращение труда — творчества в песни о труде.

Электрофикация — вот первый пролетарский роман, наша большая книга в железном переплете. Машины — наши стихи и творчество машин — начало пролетарской поэзии, которая есть восстание человека на вселенную ради самого себя.